

Запись школы общины с Хулианом Карроном Милан, 18 января 2017 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 143–165.

- Monologo di Giuda
- E se domani

Слава...

Обратимся ко второй части нашей главы о человеческом факторе, к пункту «Следствия». Отец Джуссани начинает его с одного наблюдения, которое, как он сам признает, может показаться банальным, но на самом деле играет решающую роль. «Если божественное избирает человеческое как способ сообщения себя, то человек, принимающий этот метод, христианин, становится и остается таковым, то есть орудием божественного, сохраняя собственный индивидуальный характер. Это утверждение может показаться чрезвычайно банальным, но я его делаю для того, чтобы указать на ошибку, состоящую не только в его отрицании, но и в том возражении, которое из этого вытекает» (С. 144). Отец Джуссани предупреждает нас: вопрос характера, который на словах может казаться банальностью, в действительности, как мы все прекрасно знаем, нередко вызывает у нас возражения. Поэтому недостаточно повторять, что человеческое является орудием божественного, причем божественное использует все, включая характер, ведь если потом характер вызывает у нас возражения, то на самом деле он не орудие сообщения божественного, а препятствие. Необходимо рассматривать наши возражения в контексте повседневной жизни. Так мы поймем, с какой стороны подходить к ним и как преодолевать их, чтобы характер служил своей подлинной цели и становился орудием божественного. Не случайно Джуссани говорит, что христианин «топит тем поленом, что под рукой» и что «сила Божия проходит сквозь обусловленность человеческим характером, которым она пользуется» (С. 145). Заметьте, он не говорит ни фразы, которая не помогала бы нам совершать существенные шаги и не застывать на пути (а нам эти фразы часто чем-то само собой разумеющимся, настолько их содержание очевидно), и подчеркивает: «Это движение [силы Божией] нам следует уловить». Каждый из нас уже на этих словах должен бы задаться вопросом: где я, работая над текстом школы общины, заметил такое движение? С тех пор как мы начали работать над этой частью книги, когда я замечал такое движение и чему научился, какой путь проделал?

Когда я прочитала на с. 145, что «Божие сообщение воплощается в характере человека и что характер представляет собой “условие”, которое Бог принимает и превращает в “орудие” Своего замысла спасения», я осознала, что для Бога характер не только ничему не препятствует, но и является методом. Мне вспомнилась одна книга из серии «Tischreden», которую я купила несколько лет назад, поскольку мне понравилось название: «Метод, основанный на характере». В определенный момент в ней затрагивается именно эта глава из книги «Зачем Церковь», и Джуссани задают вопрос, который горит и в моем сердце: «Дон Джус, я заметила, что на протяжении какого-то времени мой характер вызывал у меня возражения, однако теперь, как мне кажется, я принимаю его как некую данность. Достаточно ли этого или же нужно нечто большее, то есть не нужно ли приспособиться

к какому-то другому характеру?» Он ответил: «Прежде всего, если Господь предстает перед твоим характером, это все равно, как если бы Он появился перед твоим домом, постучал бы в твою дверь, а у тебя в комнатах грязь, повсюду мыши, пауки, тараканы. И ты злишься на себя за то, что довела дом до такого состояния, но, если Господь решил прийти к твоему дому, что тебе делать? “Господи, прости и помоги мне”, – ничего больше!» Затем он делает следующее важнейшее заявление: «Никакое состояние не способно воспрепятствовать поиску и принятию Иисуса, – ни в человеке, через которого Христос являет Себя, ни в способе, с помощью которого Христос являет Себя. В Ветхом Завете Бог воспользовался даже ослицей».

На прошлогодних упражнениях Братства ты, цитируя отца Джуссани, напомнил нам, что «чудо милосердия есть желание измениться, подразумевающее принятие себя, без которого желание измениться уступило бы место амбициям и самонадеянности и не превратилось бы в просьбу, обращенную к Другому, в доверие Другому». Следовательно, принятие собственного характера и характеров других людей, а также их свободы – проблема прежде всего не психологии, а личного и единственного в своем роде отношения с Тайной, творящей меня. И я подозреваю, что это связано с тем, о чем говорит в своем письме папа Франциск, приводя слова святого Августина, ведь, если я не подчиняюсь методу Бога, принимающего мой характер и превращающего его в орудие спасительного замысла, разве могу я быть нищей в Боге?»

Итак, где каждый из нас в первую очередь должен уловить движение божественной силы? Речь не о характере других людей, а о нашем собственном. Это банально, но часто именно тут мы и застреваем. В одном из писем меня спрашивают: «Почему нужно воспринимать мой характер как дар?» Потому что он дан. Он был дарован тебе. И потому, когда Господь решает постучать в дверь твоего характера, «ничто, – говорит Джуссани, – не способно воспрепятствовать принятию Иисуса, – ни в человеке, через которого Христос являет Себя, ни в способе, с помощью которого Христос являет Себя». Нет для этого никаких препятствий. Подумайте только, от скольких тягот мы избавились бы, если бы просто-напросто согласились с тем способом, каким Господь стучит в дверь нашей человечности. Никакой характер не в состоянии помешать Иисусу стучать в мою дверь, в дверь того характера, который Он же мне и дал. Однако услышать этот стук не так легко.

Я с большим удивлением перечитала эту часть текста школы общины и, когда начала смотреть на то, что происходит со мной, оказалась перед вызовом, который мне хотелось бы лучше понять. Бывают такие ситуации, в которых ты в силу пережитого опыта понимаешь, что что-то истинно и претворяется в жизнь как раз благодаря особенностям твоего характера. Порой и мне доводится переживать опыт Джуссани, говорившего: «Моя интонация, мой способ изложения и подход к проблеме просветляли одних и раздражали других». Он дошел до этого свободного вывода, который меня очень поразил и который я желаю сделать и для себя: «Я отметил для себя и для других риск забыть о том, что все зависит от нашей собственной любви к истине» (ср. С. 146).

Помоги нам лучше понять, в чем состоит эта любовь к истине. Что поддерживает тебя и позволяет тебе сохранять терпение, когда способ, которым ты планируешь достичь истины, не осуществляется сразу же и так, как ты того ждешь? Бывают моменты, когда то, что представляется тебе истинным, признается таковым не сразу. Я замечаю, что

недостаточно свободна, чтобы думать, будто одинаково хороши и «жаркий огонь» и «дым с угаром» и все в конце концов ведет к свершению Его спасительного замысла.

А ты всегда уверена, что твой взгляд на ту или иную ситуацию или способ, каким ты сообщашь что-то другим, – единственно верные и сообразные?

Нет.

Нет! Порой (не всегда) определенный характер, через который божественное достигает нас, оказывается наиболее подходящим. Сколько раз я понимал, что реакция других людей – в первую очередь возможность для меня научиться чему-то. Часто, прежде чем переложить вину на мой характер или на закрытость других, я вдруг думал: может, я выражался недостаточно ясно или мне не удалось подобрать ключ к отношению с тем или иным человеком? То есть я бы попытался понять, сводится ли проблема непонимания исключительно к характеру или же мне предоставляется возможность сделать еще один шаг в сторону верного пути. Я таким образом многому научился. Это во-первых. Во-вторых, необходимо учитывать метод Бога. Даже если ты все правильно делаешь и пытаешься передать другим то, что сама увидела, они не всегда с легкостью это воспринимают. Тогда ты понимаешь, сколько требуется терпения, сколько понадобилось терпения Богу в отношении с нами, и становишься терпеливой в отношении с другими людьми. Наконец, в-третьих, посмотрим, о чем Джуссани говорит дальше в той же главе: «Церковь на протяжении веков спасали те, кто, ища истинного и реального, любя ценность и идеал, не соблазнялись ограниченностью», – и приводит пример святого Франциска Ассизского, который «не соблазнялся распрями и вспышками насилия, сотрясавшими Церковь его времени, братоубийственными войнами, сталкивавшими христиан с христианами, но бросился в борьбу не “против” кого-то, а “за” Кого-то». Не против кого-то, а за Кого-то. То, что может поддерживать наши устремления, – это утверждение «за», а не «против» кого-то. Такая возможность у нас есть всегда. Вот почему, говорит Джуссани, «отступить из-за собственных ошибок и ошибок других людей – великий обман. Личное усилие, не исключающее критического подхода, но к нему не сводящееся, – вот проблема элементарной нравственности». Тут он приводит пример с мамой. Чтобы ты сделала, если бы твой муж пришел домой в тот момент, когда у тебя куча забот и заболел ребенок, но, будучи уставшим не обратил бы на вас особого внимания? Ты бы забросила ребенка, потому что сегодня твой муж особенно утомился? Подобные ситуации приводят нас в движение, ставят нас на путь – в полном смысле слова человеческий – и призывают нас к истине. Откажусь ли я от утверждения истины, если другой ее не понимает? В такие моменты мы должны решить, почему делаем определенные вещи: потому что другие их принимают или в силу моей пламенной любви к истине? Останься я даже в одиночестве, как говорил Джуссани, останься я даже в полном одиночестве, я бы и тогда начал бы все заново. Даже если я один на работе, даже если я один в моей обычной обстановке, даже если я один в моей семье, даже если я один... пламенная любовь к истине, делание «ради» кого-то – вот единственная удовлетворительная причина, чтобы заранее не опустить руки. И потому это прекрасная борьба, ведь «христианский факт, в своей парадоксальности и мощи, выявляет истинное желание человека», и речь не о ком-то другом, а обо мне. Обо мне.

Второй большой массив ваших писем касается прекрасной метафоры золота в грязи.

Привет.

Привет.

Читая текст школы общины, я постоянно спотыкалась о метафору золота и в один прекрасный момент спросила себя, что означает это золото для меня и какое место занимает в моей жизни. Вопрос меня сразу же огорчил, хотя в глубине души я желала понять. Именно поэтому я со всей откровенностью пишу тебе. Мне всегда кажется, что в моей жизни золото, или же признание Христа, достигающего меня, – вопрос мгновений, более-менее мимолетных. Как в единственных компьютерных играх, в которые я когда-либо играла, где человек бежит по дистанции и, периодически подпрыгивая, зарабатывает бонусы, продлевающие путь или на пару секунд добавляющие скорости. Признание Христа в моей жизни кажется мне чем-то подобным. Не знаю, в характере ли проблема. Пожалуй, в нем: порой Христос есть, а порой нет, и все низвергается в пропасть, словно кто-то щелкает выключателем света, то зажигая, то гася его. И даже если проблема в характере, вопрос, мучающий меня, остается, поскольку я не хочу постоянно жить так. Для меня настоящая пытка – промежутки времени между этой пропастью, в которой, как мне кажется, я совершенно одна, и инициативой Бога, достигающего меня. Такие моменты словно бездонный колодец, и мне недостает почвы под ногами. Да, наверное, это по-человечески, и, думаю, все сталкиваются с подобным опытом, но мне недостаточно этого утверждения. Тебе приходится переживать периоды, на когда недостает почвы под ногами? Предполагаю, что и у тебя бывают моменты упадка, но ты никогда не кажешься мне человеком, провалившимся в пропасть. Я не раз видела тебя взбудораженным, но никогда на твоём лице не читается страшное беспокойство и твой взгляд не омрачает тень ничто. Почему?

Как по-твоему, почему? Именно это необходимо понять. Божественное проходит через человеческое, так? До тебя оно время от времени доходило через человеческое, правда?

Да.

Мы иногда не улавливаем то, что идет к нам через человеческое, и нам кажется, как ты говоришь, будто кто-то щелкает выключателем: зажечь-погасить. Но что достигает нас через человеческое? Это что-то то зажигается, то гаснет? Что спасает нас от пропасти?

К вопросу о том, что необходимо «замечать» происходящее, замечать самих себя, замечать присутствующего Христа и реальность, в каждое мгновение прорастающую корнями в Тайну... Как мне кажется, проблема в суждении. Моя реакция (я имею в виду обдуманную, а не чисто инстинктивную реакцию) неизменно соответствует суждению, которое представляется мне лишь некой мерой и в конце концов гнетет меня и раз за разом помещает в центр меня, ту меня, что никогда не в состоянии держать определенную планку. Мне вспоминается, как однажды во время исповеди один пожилой священник сказал мне, что не нужно судить даже самих себя (так говорил святой Павел). С другой стороны, я замечаю, что существует другое, освобождающее суждение и осознание реальности. Более того, порой, слушая тебя, я начинаю догадываться, что нет более великого милосердия по отношению к нам, чем быть сотворенными объективным образом, в силу которого мы неизбежно чувствуем себя плохо, когда вещи нам не соответствуют. Короче говоря, в чем

разница между этим двумя способами суждения? И благодаря чему я могу держаться того суждения, которое позволяет мне стать главным действующим лицом и победителем?

В чем, на твой взгляд, разница? В одном случае, по твоим словам, в центре оказываешься ты, и это, естественно, гнетет. Когда же ты замечаешь, куда уходят корни реальности, такое суждение и такое сознание освобождают тебя. Это что-то, что попеременно зажигается и гаснет, или же некая объективная данность, имеющая место всегда? Почему она всегда имеет место? Потому что есть ты и есть реальность. Следовательно, в пропасти мы оказываемся из-за нехватки суждения. Смотрите, как все банально: не улавливая божественное, достигающее нас через человеческое, идущее нам навстречу, мы думаем, как и остальные, и нам кажется, что, когда иссякает сентиментальный порыв, все заканчивается, и Его присутствие угасает, поскольку мы отождествляем его с нашими чувствами. О чем Джуссани непрестанно напоминает нам? Ты говорила о соответствии, а соответствие, как он утверждает, – это синоним божественного, чего-то, что не зажигается и гаснет попеременно, а есть. В противном случае мы не смогли бы дать вразумительного объяснения той инаковости, которая проявляется в человечности. Именно поэтому, если суждение, которое мы выносим, касается не Христа и не того, что проявляется в реальности, а нас самих, оно не освобождает нас. И следовательно, нам стоит научиться выносить верное суждение – стоит, поскольку Бог не такой, как мы себе Его представляем, Он не тот, кого можно включить или выключить. Он Бог, Он божественен, и чтобы объяснить все то, о чем мы рассказываем каждый раз, когда собираемся вместе, необходимо признать Его, ведь без божественного присутствия мы не смогли бы рассказать ничего подобного, мы бы и мечтать о чем-то подобном не могли бы, нам бы такое и в голову не пришло. Мы же обычно не улавливаем божественное, и мгновение спустя после того, как оно достигло нас, возвращаясь домой после встречи (как, возможно, случится и сегодня вечером), оказываемся в пропасти. Вот почему нужно углублять понимание того, что божественное проходит через человеческое, и начинать улавливать все то, что случается в результате этого, и каждый раз, когда нам кажется, что Его присутствие угасает, спрашивать себя, действительно ли оно угасает или же это возможность для нас признать Его. Либо когда мы продираемся сквозь грязь, значит ли это, что в ней нет золота или мы просто пока еще не распознали золото? Если мы этого не делаем, то и правда проваливаемся в пропасть. И поэтому «да» святого Петра вновь дает нам ключ к пониманию. Когда он ставит в центр самого себя, это удручает его, и ему в голову приходят всевозможные упреки, которые Христос может адресовать ему. Если же в центре – присутствие, обнимающее его и спрашивающее: «Любишь ли ты Меня?» – следует освобождение. Джуссани называет это обращением от самих себя в сторону Другого, говорящего мне: «Любишь ли ты Меня?» Вот почему Библия рассказывает о тех фактах, свидетелем которых был израильский народ и благодаря которым он смог прийти до ясного суждения: «Даже если отец твой и мать оставят тебя, Я не оставлю тебя. Никогда». Это шутка? Бессмысленное заявление? Или же единственный способ объяснить все то, что случилось на глазах израильтян? Нашей свободе решать: принять Его или отвергнуть. Одна подруга из Шанхая, которая, естественно, не смогла приехать, написала мне и рассказала, что переживает трудный период. Вот что она говорит: «Для меня становится все яснее, особенно учитывая обстоятельства, в которых я оказалась, что, чтобы жить и открывать, ради чего я создана, не требуется никакой организации, структуры или клуба, достаточно просто пребывать в реальности, поскольку ничто не в состоянии помешать тебе замечать события, происходящие перед тобой, и постоянно позволять Тому, Кто творит тебя в каждое мгновение, вновь охватывать тебя [Тому, Кто творит тебя в каждое мгновение!]. И все же [кажется, что для этого не нужно специальное место, хватит и реальности, и все же]

именно это открытие пробудило во мне еще большее желание следовать за тобой и за самой сердцевиной Движения», ведь именно там во мне непрестанно воспитывают способность замечать, без которой я не смогла бы признать Его. Частный случай, отдельно взятая история помогают мне признать то, что есть в реальности, и я могу признавать это даже в Шанхае или в любом другом месте, но нужно постоянно воспитывать себя к такому признанию. «Я прошу для себя и для моих друзей нищеты духа, чтобы мы были всегда открытыми подлинному следованию, в котором я вижу – прежде всего для себя самой – единственную возможность все более глубокого и уверенного познания Того, Кого я встретила и Кому принадлежу. Я благодарна тебе за это желание, родившееся в моем сердце, ведь оно не что иное как плод работы, которую мы проделываем».

Как видите, чтобы отыскать золото в грязи, необходимо продраться сквозь грязь и замарать руки.

Я хотел бы рассказать о том, что случилось со мной в субботу вечером, поскольку это позволило мне понять то о чем ты говорил, когда призывал нас смотреть больше на золото, нежели на грязь, и когда утверждал, что божественное избирает человеческое, чтобы сообщить себя. Я ужинал с друзьями и очень многого ждал от вечера, но, оказавшись там, понял, что мне очень трудно находиться среди тех людей. Мне казалось, что то, как мы смотрели друг на друга, было недостаточным в сравнении с тем, чего желал я. В определенный момент я заговорил с одним человеком, начал жаловаться ему на свои ощущения и, посмотрев ему в лицо, вдруг понял, что он, как и я, был печален, тогда как лица всех остальных людей были прекрасны. Подталкиваемый здоровой завистью и в то же время сердитый, я подошел к подруге, которая нас пригласила, и в резкой форме сообщил ей о том, как мне трудно, и практически обвинил ее и других за то, что мне их было недостаточно. И первое, что произошло потом...

Будьте внимательны: мы пытаемся обвинить других.

Первое, что произошло потом и что все для меня перевернуло, – это реакция моей подруги и остальных гостей, которые с вниманием отнеслись к моим словам. Они, во-первых, признали, что можно лучше пережить этот вечер, а во-вторых, рассказали мне, по каким именно причинам стоило провести его вместе. Меня особенно поразила одна девушка, которую я не знал и которая сказала, что одна из таких веских причин заключалась как раз в том, что я поделился с ними моей проблемой, моим затруднением. Видя, как серьезно они отнеслись ко мне, как учли мои слова и в то же время указали на мою ошибку и предложили мне посмотреть на происходящее, я вдруг осознал, что значило в тот момент искать золото, то есть входить в реальность с «положительным предубеждением», с желанием, полным ожидания, ожидания того, чтобы обстоятельства выявили то, чего я желаю, и стали возможностью найти ответ, поскольку, если я не знаю, чего желаю, как я смогу услышать ответ на мое желание? Кроме того, как мы уже сказали, божественное сообщает себя через человеческое, и меня это поразило, потому что на ужине стало ясно: Бог избирает даже нашу ограниченность, чтобы явить себя. В конце вечера я был очень доволен всем, что случилось, но для этого потребовалась ограниченность моих друзей и мое затруднение, моя полемическая позиция перед лицом других. Моя свобода должна была шагнуть вперед и признать, что я желаю чего-то большего, и то, как я поставил проблему, оказалось полезным для всех, за что остальные поблагодарили меня. Меня особенно поразило, что

у меня не возникло чувства, будто я оправдал свою ошибку (напротив, она стала причинять мне еще бóльшую боль), но в то же время я не был осужден за нее.

И это не происходит само собой, как мы часто думаем, это драматичный процесс, в который нужно вовлечься с головой. Это один из примеров того, о чем говорит Джуссани: «Это движение [силы Божией] нам следует уловить»; «сила Божия проходит сквозь обусловленность человеческим характером, которым она пользуется», – как характеры твоих друзей. Но если ты приходишь на ужин и замыкаешься, не соглашаешься сделать шаг вперед, то вернешься домой, в очередной раз жалуясь на то, что другие оказались не на высоте и не были слишком хорошими свидетелями. Однако ты проделал работу, о которой говорится в тексте школы общины: «Золотоискателя никогда не остановит грязь в русле реки, где он рассчитывал найти самородки. Он искал золото, им двигала большая или меньшая надежда его найти [совсем не обязательно, что ты по умолчанию найдешь его, в том числе и на ужине], а не условия, при которых он мог его заполучить». И Джуссани продолжает: «Ужасно думать, насколько человека, напротив, легко отвлечь от проблемы его судьбы [в таких случаях я в большей или меньшей степени довольствуюсь проведенным вечером, отворачиваясь от моего желания счастья, от проблемы моей судьбы], так что он откажется от золота из-за грязи, сопутствующей ему». Мы осознаем важность подобных фраз, не когда погружаемся в отвлеченные жалобы, а когда видим их в опыте. Проблема заключается в суждении. Необходимо отдать себе отчет в том, что на карту поставлено золото жизни. Тогда мы не застынем на месте, не позволим себе остановиться. Выбор стоит перед каждым из нас: можно жаловаться по поводу всего того, что не делают другие, как в этом примере или в примере с мужем, женой и больным ребенком, а можно вступить в игру, чтобы найти сокрытое золото. Нам кажется, что оно то появляется, то исчезает, а оно есть, но нужно замарать руки, чтобы найти его. И тут нужна свобода.

Я написала тебе, поскольку меня очень поразила та часть текста школы общины, где говорится о свободе, особенно в силу некоторых событий недавнего времени. Я часто замечаю, что определенные факты – прекрасные факты – мне соответствуют, но, даже несмотря на соответствие я оказываю сопротивление и потому нередко возвращаюсь домой грустной и как будто вечно ненасытной, хотя случается множество замечательных вещей. И я спрашиваю себя есть ли какой-то способ воспитать мою свободу, приучить ее признавать происходящее и не терять его, заикливаясь на моем представлении о вещах.

Видите, недостаточно просто знать что-то, потому что только опыт убедит нас оставить сопротивление. Необходимо пережить опыт, который убедит нас, что нам невыгодно сопротивляться. Вот почему важен твой вопрос. И как же мы можем воспитать нашу свободу? Джуссани напоминал нам об этом в «Религиозном чувстве» и настойчиво объяснял, как воспитывать себя. Он говорил о трех моментах. Во-первых, необходимо научиться вниманию к происходящим событиям, «поскольку внимание не всегда завоевывает пространство вовлеченной свободы, внимание возникает не автоматически». И уже этот первый пункт может показаться нам банальным, но мы, даже признавая определенные факты, порой не внимательны ко всему тому, что с ними связано, и потому словно не в состоянии преодолеть первоначальное сопротивление. Мы не понимаем всю их важность, и в результате сталкиваемся с большими трудностями. Меня поражает в этом смысле история блудного сына. Он решил уйти из дома, где, как ему казалось, он задыхался. Что же с ним произошло, из-за чего в один прекрасный момент он ощутил безумное желание вернуться домой? Проблема всей жизни заключается в том, чтобы научиться именно этому, чтобы не просто не сопротивляться, но осознать, что в жизни по-настоящему ценно. И проблема эта касается прежде всего внимания:

блудный сын вернулся в себя и понял, чего желает. Второй момент, о котором говорит Джуссани, это «способность принять»: «Принятие предложения во всей его целостности также не происходит автоматически». Необходимо воспитывать в себе способность принимать самые непосредственные вещи, которые учат нас обнимать реальность такой, какой она нам дается. Наконец, в-третьих, нужно воспитывать в себе правильное отношение к реальности. И каково же правильное отношение? «Верность той изначальной позиции, в которой природа формирует человека», то есть положительная гипотеза, о которой говорилось в предыдущем выступлении. Только в том случае, если мы входим в совершенно незнакомую нам реальность (часто мы думаем, будто знаем ее, как наш друг, пришедший на ужин и не веривший, будто могло произойти то, что произошло) с положительной гипотезой (в противном случае он бы ничего не предпринял), нам удастся что-то в ней открыть. Необходимо учиться перед вызовами реальности исходить из положительной гипотезы, тогда мы заметим, как такое правильное отношения постепенно будет укрепляться в нас, и мы не застрянем на нулевом уровне. Когдаходишь в реальность подобным образом, все меняется, как говорит одна наша подруга, которая не смогла приехать сегодня. Коротко перескажу о чем она пишет. На работе возникла щекотливая ситуация, и есть даже риск потерять место из-за проблем в компании. Это вызвало в нашей подруге злость, но она тут же поняла, что злость ни к чему не приведет. То есть человек чем дальше, тем меньше времени теряет на реакции, поскольку все быстрее осознает, что они ни к чему не приведут. В результате в ее опыте стало проявляться то, о чем говорит отец Джуссани, она начала догадываться, что «в сложившейся непростой ситуации на карту было поставлено куда больше, чем только лишь тягостный и бестолковый поиск выхода из тупика. На карту были поставлены моя личность и моя вера». Как мы отметили раньше, человека очень легко отвлечь от проблемы его судьбы, для нас проблема работы – с одной стороны, а проблема судьбы – с другой. Но все не так. Когда человек понимает, что в сложившейся ситуации затронут не какой-то один аспект жизни, и вступает в отношение с реальностью соответствующим образом, он начинает догадываться о том, что такое любовь к истине, к золоту. «Уже просто занять такую позицию [просто изменить подход, не меняя обстоятельств, уже просто занять такую позицию] – наиболее истинную и наименее “естественную” – помогло изменить все. Я увидела бесконечную разницу между тем, чтобы переживать обстоятельства, полностью сосредоточившись на себе и на собственных рассуждениях или же на просьбе о Его присутствии. Все изменилось. Я была обеспокоена, но не раздавлена, утомлена, но не сбита с толку, истощена и в то же время уверена и даже радостна. Моя взволнованность достигла высшей точки, благодаря письму, которое направил тебе папа Франциск. Когда я прочитала: “Подобная нищета необходима, поскольку она выражает то, что в действительности составляет наше сердце, – нужду в Нем» «в мире, терзаемом логикой выгоды», – я буквально подскочила на месте. Казалось, это написано специально для меня. Нужно, чтобы это письмо именно так говорило с нами, и не в силу объяснений, а благодаря тому, что мы подскакиваем на месте. Только так мы сможем понять его, ничуть не умалив. Поэтому Джуссани в рассматриваемой нами главе настаивает на том, что человек, являясь христианином, сохраняет за собой всю свою свободу. Мы можем принимать вызовы, встающие перед нами, действовать определенным образом или же застыть на месте. «Христианская весть зависит от серьезности и моральных сил человека». Не от его последовательности, а от способности совершать нравственные поступки, то есть отвечать на брошенный мне вызов, вовлекая в ответ все потребности моего сердца, всю мою нужду в смысле, в счастье, в том, чтобы в полной мере быть самим собой, искать золото прежде чем любых других вещей. В таком случае человек становится орудием божественного, бросающим вызов любой человеческой мере.

Я хотела бы рассказать тебе о том, что случилось со мной на работе и из чего видно, как окружающие замечают исключительность, которую мы несем в себе. Я медсестра и работаю в онкологии вместе с еще одной женщиной из Движения. Заведующий нашим

отделением – человек очень умный – уверенно называет себя атеистом, но, несмотря на это, прекрасно зная, что мы из Движения, смотрит на нас поразительным образом, взглядом, полным уважения. Меня удивляет, что он не упускает ни одной возможности, чтобы сказать нам: то, во что мы верим, не существует – и одновременно в каждой ситуации спрашивает нашего мнения. Несколько недель назад, выйдя из палаты одной пациентки, находящейся на последней стадии заболевания, он заглянул к нам и начал провоцировать нас, говоря, что рая нет, что та женщина довольно скоро окажется в небытии и что мы живем в заблуждении. Он продолжал бросать нам вызов на уровне диалектики, и мы тут же его приняли и стали отвечать ему тем же самым. Мы говорили правильные слова, но ему диалектика давалась гораздо лучше, чем нам, и он почти развлекался, отражая наши ответы...

Он закатал вас в асфальт!

Именно.

В первом же раунде.

Да. Но было видно, что он ждал нашего суждения.

Он вас провоцировал.

Да, однако он не видел ничего интересного в том, что мы говорили, ничто его не цепляло. Потом вдруг зазвонил телефон: медбрата из другого отделения нужна была помощь. Моя коллега подняла трубку и стала говорить с ним. Заведующий, услышав, как она ответила, чуть ли не подскочил, взял меня за руку и почти раздраженно сказал: «Почему она такая вежливая, что это с ней? В ней есть что-то для меня необъяснимое, что каждый раз приводит меня в беспокойство».

Повтори фразу, которую он сказал. «Почему она такая вежливая?»

«В ней есть что-то большее, нежели простая вежливость». И он действительно не был спокоен, меня поразило, насколько беспокоило его то, что он не мог себе объяснить.

Вот что уничтожает человеческую меру: божественное, проходящее через человеческое. И оно не включается и выключается попеременно. И именно это нужно объяснить себе, и иначе мы всегда будем стоять на краю пропасти – тут вы совершенно правы. Проблема возникает в тот момент, когда мы не улавливаем то, что улавливают другие, это «что-то большее, нежели простая вежливость». Что же это большее?

Меня удивило, какие же мы все-таки дуалисты перед лицом происходящего. Я уверена, что людям нужны не разговоры, а присутствие, я глубоко убеждена в этом. Но, как только он начал провоцировать нас, я сразу же стала отвечать с помощью разговоров. Мы обе так поступили – это первое, что пришло нам в голову. Меня уже потом поразило (это было очевидно в поведении моей коллеги), что мы настолько состоим в отношении со Христом, что в самые «нормальные» моменты наши действия делают нас знаком Другого. Мы даже не отдаем себе в этом отчета. Я подумала: надо же, я так старалась, а Христа все равно не было, а когда моя коллега ответила на звонок, Он явил Себя. Меня по-настоящему поразила реакция нашего заведующего, и мне вспомнилась фраза, которую ты часто повторяешь, что каждое действие, которое совершал Человек из Назарета,

свидетельствовало о Его сознании об Отце. Когда видишь, как изумляются другие люди нашему способу жить, свидетельствующему о нашей принадлежности Христу, это освобождает, потому что потом все зависит от того, какой шаг сделает их свобода. Для меня видеть такого убежденного атеиста, у которого возникает подобный вопрос – простой вопрос о том, что стоит за вежливостью коллеги, означало самой задаться вопросом о моем способе жизни. Я спросила: Христе, Ты настолько все для меня, что даже то, как я отвечаю по телефону, может расшевелить сердце другого человека? Думаю, ответ на этот вопрос – самая большая помощь, какую мы только можем оказать окружающим нас людям. Лишь принадлежность тому, что со мной произошло, способно принести пользу моим коллегам...

...какую бы позицию они ни занимали, потому что ничто не может помешать им подскочить от изумления перед вежливостью, в которой есть нечто большее. Именно это большее позволяет человеку стать орудием божественного. Это увлекательный путь, зовущий нас, неустанно призывающий нас не оставаться на сентиментальном уровне и искать золото в грязи.

Спрашивать себя перед лицом волнующих фактов, откуда они рождаются и кто мне их дарует, и, следовательно, позволять Его присутствию, творящему эти факты, поражать тебя – вот метод познания и подпитывания себя, помогающий нам овладеть настоящим и через отдельно взятую историю преодолевать пределы времени и пространства. Я – так всегда случается, случилось уже сто раз и тысячу раз повторится – останавливаюсь на сентиментальном уровне событий, который потом, со временем, потихоньку ускользает от меня.

Будьте внимательны: ускользает сентиментальность, а не Он, заставляющий нас постоянно подскакивать на месте.

И на устах и в душе остается горечь, гнилотный привкус чего-то мертвого, навсегда, как тебе кажется, утраченного. Так, по крайней мере, мы, современные люди, думаем, поскольку умаляем самих себя. На самом же деле все иначе. Находя в собственном сердце неудобный и обжигающий дар вопроса, позволяя ему разгореться, позволяя сердцу перестать быть твердым и начать страдать, мы распахиваем его перед Его присутствием. Когда я по благодати вновь ощущаю горение моего сердца, как во времена нашей первой любви, я могу жить Его присутствием здесь и сейчас, и Его любовь вновь завоевывает все, воскрешая все то, что я потерял в прошлом, она возвращает мне все это и все воскрешает. В противном случае я не пришел бы в волнение от маленького рождественского праздника двадцать три дня спустя, когда я вспомнил о нем, читая школу общины. Я на празднике, во время выступления хора сделал кучу фотографий, но не пришел в волнение, пока их делал.

Недостаточно быть такими туристами и щелкать фотографии, не приходя в волнение.

Таким образом ограниченность времени, его пределы в некотором смысле преодолеваются, побеждаются, как и ограниченность пространства. Это видно по людям, которых ты приглашаешь выступать и которые полностью охвачены Христом в самых разных уголках земли. И благодаря вопросу, о котором я говорил, нас привлекают твои слова. Весь труд следования за тобой, связанный с отрезком пути, пройденным на последних двух школах общины, делает веру воодушевляющей, жизнь – живой, а сердце – раненым и полным благодарности, потому что я видел, что мои ограничения не останавливают Его, и Он любыми способами достигает и вновь охватывает меня, именно меня. Он ищет меня, тогда как я почти никогда не ищу Его днем и ночью и рассеиваюсь по вселенной моих собственных

интересов, и каждый раз, когда ты напоминаешь об этом, я чувствую укор в мой адрес. Однако Он возвращается, чтобы искать меня, и поэтому я смог заметить, что, даже когда я не ищу Его, Он ищет меня. Вот почему нет ничего прекраснее этой боли и этой благодарности, ничто с ними не сравнится, поскольку ты замечаешь, что любим. И Он не ставит перед тобой никаких условий и возвращается, возвращается всегда. И я наконец говорю: «Гряди, Господи Иисусе». Так разворачивается мой путь следования за тобой. Не буду скрывать, что, хотя твое предложение кристально ясно, и я никогда не уйду со встреч с тобой, не получив хорошую взбучку, часто мне кажется, что мы воспринимаем этот вопрос как очередное усилие нашего сердца, которое должно хорошо ждать. И мы совсем не думаем, что наша первая и единственная активность заключается в действительности в пассивности нашей нужды, как фантастическим образом описал ее Джуссани, в пассивности нашей ничтожности, нуждающейся в этом «Ты» и не могущей не признавать его. Вот почему часто мы оказываемся в атмосфере не дружеского тепла, а холодного контроля: был ли ты на школе общины, сделал ли ты взнос в общий фонд, и так далее. Все это прекрасно и полезно, однако в такой форме они теряют свою полезность и становятся проклятием. И почти никогда не случается встретить человека, который готов быть со мной в боли моей нужды и помочь мне жить и осознать нашу жажду и наш голод по Нем. А ты готов. Только лишь проделывая путь вместе с тобой, можно смотреть в лицо подобным проблемам под правильным углом. И поэтому спасибо, что ты никогда не бросаешь меня, что ты сам для себя ничего не бросаешь и соответственно не бросаешь и нас. Какое-то время назад перед лицом тех, кто постоянно противоречит тебе и зачастую ищет не истины, а самоутверждения (хотя мне больше досаждают, которые считают, что ты всегда прав, как будто это банально, нормально и просто – неизменно следовать за тобой), у меня возникло желание написать тебе и сказать, что я с тобой. Сегодня же, идя по пути, по которому ты ведешь нас вслед за Джуссани и папой, я хочу сказать тебе лишь: «Спасибо, что ты со мной», поскольку я видел, что ты, как и Иисус, остался бы со мной, даже если бы я выступал против тебя. Поэтому спасибо и доброго пути.

Это воодушевляющий путь жизни.

Следующая школа общины состоится 22 февраля. Мы начнем новую главу, посвященную миссии Церкви. Рассмотрим первые пять пунктов. Хочу заметить, что никто в выступлениях не коснулся последней части предыдущей главы, касающейся того, что христианство существует в мире не для того, чтобы лишать смысла процесс исторического развития, но чтобы сообщать ценности, при сохранении которых всякое развитие получает средство быть более полезным для человека. Именно это мы с таким трудом понимаем: согласиться с тем, что первая борьба с рабством состоит в написании послания, какое направил святой Павел Филимону, – серьезный вызов. Джуссани приводит и другие примеры и говорит: «Ценность, предлагаемая христианством, касается человека как такового, человека в любых обстоятельствах, а значит, Церковь не стремится выхолащивать то содержание, которое историческое развитие вкладывает в человеческую судьбу: вера лепит и определяет личность субъекта, который потом будет пользоваться теми средствами, какие предоставляют ему его собственные способности и исторические условия». Поэтому прошу вас еще раз вернуться к этой главе, чтобы лучше понять ее связь со следующей главой, потому что описанный в ней метод, как говорит Джуссани, нелегко принять, нелегко даже для нас. Но именно так предстает перед нами христианская весть: Бог, ставший человеком, сообщил себя в рамках человеческой реальности, в исторических и культурных пределах. Если мы это не поймем, то погрязнем в бессмысленных спорах. Вопрос не в том, кто одержит в них победу, а кто учтет все факторы сложившейся ситуации. Поэтому необходимо понять это, чтобы осознать и какова миссия Церкви в отношении человека.

Мы слышали сегодня вечером, как кто-то из вас цитировал письмо папы. Многие из вас писали мне и просили разъяснить его. Я не хочу разъяснять его, потому что уже все сказал в письме, которое написал всем вам и которое приложил к письму папы. Я не хочу переписывать письмо папы, понимаете? Нужно время, чтобы его содержание проросло в нас, чтобы факты опыта помогли нам его понять.

Veni Sancte Spiritus